

Чи Чэн сидел перед машиной в скверном настроении и курил. К нему подошла Юэ Юэ и нежным, кокетливым голосом позвала его по имени.

Увидев это, подручные принялись наперебой расхваливать красавицу-невесту.

Чи Чэн поднял голову и спросил, зачем она пришла. Юэ Юэ взяла его за руку и ответила, что боялась не застать его после работы.

Услышав это, толпа зашумела, подтрунивая над ними — их сладость была просто невыносимой.

Юэ Юэ, довольная собой, для вида по-девичьи застенчиво чмокнула Чи Чэна в щеку и спросила:

— Завидуете?

В этот самый момент У Совэй, только что получивший деньги, вышел из помещения и увидел, как Юэ Юэ с нежной улыбкой целует Чи Чэна в щеку.

Он вытаращил глаза и застыл на месте. В ушах звенел звонкий голосок Юэ Юэ, он тупо смотрел, как она, сияя от счастья, берет Чи Чэна под руку и они удаляются. Холод пробежал по его спине, леденя всё нутро.

У Совэю стало одновременно больно и обидно. Неудивительно, что Чи Чэн постоянно вставлял ему палки в колеса и погубил несколько его работ — оказывается, он новый парень Юэ Юэ и пришел сюда специально, чтобы отомстить!

У Совэй с силой швырнул деньги на землю:

— Не отомстить за это — значит не быть мужчиной!

Подручные, глядя на самих себя на экране в роли группы поддержки, почувствовали неловкость.

Чи Чэн нахмурился. Глядя на У Совэя, который не сводил глаз с Юэ Юэ, он почувствовал, как внутри что-то сдавило грудь.

У Совэй, только не разочаруй меня!

Го Чэньюй, наблюдая за выражением лица У Совэя и его реакцией, прищурился и сделал для себя заметку.

Вспоминая кадры из заставки, где У Совэй обнимался с Чи Чэном, он почувствовал запах заговора. В его душе зародилось беспокойство за Чи Чэна: тот слишком дорожит чувствами, и если, по уши влюбившись, узнает правду... даже страшно представить, что тогда произойдет.

Родители Чи Чэна тоже заволновались, до смерти боясь, что их сына снова предадут.

Ван Шо, не сдерживаясь больше, громко выпалил, не боясь раздуть скандал:

— Чи Чэн! Я же говорил, что У Совэй подкатил к тебе с дурными намерениями! Посмотри на него, он наверняка решил, что ты увел у него девушку, и специально притворяется, что с тобой, чтобы отомстить! Ха-ха-ха, до чего же забавно!

Говоря это, он выглядел всё более безумно.

Услышав слова Ван Шо, Чи Чэн помрачнел, в его взгляде промелькнул холод, а кулаки сжались:

— Ван Шо, если ты помолчишь, никто не примет тебя за него!

Ван Чжэнь схватил Ван Шо, приструнив его, и сухо произнес:

— Прошу прощения, когда мы выйдем отсюда, я увеличу дозу его лекарств.

Юэ Юэ поспешила сгладить углы:

— Это события по временной шкале, сейчас-то я с У Совзем не встречаюсь. Когда выйдем, молодой господин Чи найдет У Совэя, и вы двое обязательно станете счастливой семьей.

Только тогда лицо Чи Чэна немного прояснилось.

Ли Ван и Ганцзы шептались позади:

— Как думаешь, если молодой господин Чи узнает правду, он отпустит У Совэя?

Ганцзы подумал о властном, жестоком характере Чи Чэна, который не прощает обид, и, сопоставив это с нынешней ситуацией — было очевидно, что Чи Чэн уже запал на У Совэя, — покачал головой:

— Сложно сказать!

Клиника Цзян Сяошуай.

Цзян Сяошуай и толстяк-врач болтали у стола. Цзян Сяошуай, держа в руках коробочку с обедом, собирался поесть, когда увидел, как в клинику уныло входит У Совэй.

Заметив его, Цзян Сяошуай отложил еду и подошел, обеспокоенно спросив:

— Что случилось, Да Вэй?

Он преградил ему путь:

— Ну скажи хоть что-нибудь!

У Совэй, всё еще прокручивая в голове ту сцену, бессильно ответил, что хочет побыть один. Он выдавил из себя улыбку, похлопал Сяошуаю по плечу, сказав, что всё в порядке, и ушел в комнату.

Цзян Сяошуай не понял, в чем дело, но расспрашивать не стал. У каждого есть свои секреты, и если У Совэй захочет выговориться, он всегда будет рядом, чтобы выслушать, помочь и поддержать.

Только когда У Совэй скрылся в комнате, Цзян Сяошуай обернулся. Порыв ветра — и он увидел, как Го Чэньюй расслабленно сидит на стуле у его стола. На нем была белая рубашка с изящными черными чернильными пятнами — просто, но элегантно. Черные кожаные туфли и черные прямые брюки идеально подчеркивали его фигуру.

Наряд аристократа в сочетании с его уникальным шармом почему-то создавал образ прожженного ловеласа.

Го Чэньюй улыбался ему своей физиономией, которая так и просила кирпича. Цзян Сяошуай не знал, чем успел насолить этому гуляке, что тот каждый день приходит донимать его, а выгнать его взашей, чтобы не навлечь проблем, он не мог. С нескрываемым раздражением он спросил:

— Ты чего опять приперся?

Го Чэньюй развел руками и притворился невинным:

— Это клиника, мне сюда нельзя?

Цзян Сяошуай промолчал.

— Ты что, больной?

Го Чэньюй приподнял бровь и двусмысленно произнес:

— Какую болезнь ты лучше всего лечишь? Могу заболеть прямо сейчас.

Цзян Сяошуай, ничуть не скрываясь, закатил глаза:

— Сейчас обеденный перерыв, мы, не, ра, бо, та, ем!

Сказав это, он отвернулся и принялся за свой обед, больше не обращая внимания на Го Чэньюя.

Го Чэньюй усмехнулся. Его ничуть не смутило холодное отношение Цзян Сяошуая. Он встал, подошел ближе и оперелся рукой о край стола рядом с ним.

Цзян Сяошуай как раз перемешивал рис в коробочке, когда над ним нависла тень. Мужской парфюм смешался с запахом антисептика, исходящим от него самого. Цзян Сяошуай обернулся и обнаружил, что Го Чэньюй стоит непозволительно близко.

Опасно! Очень опасно!

Цзян Сяошуай с грохотом опустил палочки и уставился на Го Чэньюя.

Взгляд Го Чэньюя скользил по лицу Цзян Сяошуая, затем он с многозначительной улыбкой поднял голову, огляделся и поддразнил:

— В такой маленькой клинике... и обеденный перерыв есть?

В красивых глазах Цзян Сяошуая за стеклами очков вспыхнул гнев. Он сердито сверлил Го Чэньюя взглядом, а его бледные щеки слегка порозовели, что неожиданно придало ему соблазнительный вид.

Го Чэньюй опустил взгляд, разглядывая эту красоту в упор. Его глаза прищурились, а кадык невольно дернулся.

Глядя на этого наглеца, Цзян Сяошуай попытался сдержать гнев и уйти, но Го Чэньюй оказался быстрее и заключил его в кольцо своих рук.

Чи Чэн смотрел на поникшего У Совэя, и у него на душе тоже стало тяжело.

Зрители, не привыкшие к подобным сценам, краснели, наблюдая за двусмысленным противостоянием Го Чэньюя и Цзян Сяошуая.

— Подумать только, какой же молодой господин Го красавчик!

— Черт! К чему такая невинность?

— А-а-а! Я сейчас умру!

Юэ Юэ тоже вся покраснела и безмолвно кричала от восторга: отлично, еще одна пара, за которую можно болеть!

Го Чэньюй с улыбкой смотрел на кудрявого врача на экране, уголки его губ приподнялись: какой же он милый.

Когда камера показала нежно-розовое лицо Цзян Сяошуая, Го Чэньюй перед экраном повторил то же движение, что и его экранный двойник: прищурился, а кадык дернулся. Го Чэньюй поправил воротник, с жаром глядя на экран.

Чи Чэн подпер голову рукой и скривил губы. Увидев, как его хороший друг начал подкатывать к этому врачу, он ядовито прокомментировал:

— Тьфу, развратник! Мерзость!

Го Чэньюй не обратил на это внимания. Он с довольным видом сцепил пальцы в замок, положил их на живот и лениво откинулся на спинку стула:

— Это ты просто... виноград зеленый, вот и бешишься!

<http://bllate.org/book/20930/2118881>